

СФРАГИСТИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К «ХОЖДЕНИЮ ИГУМЕНА ДАНИИЛА»

«Хождение игумена Даниила» принадлежит к числу хорошо датированных памятников. Время его написания обозначено самим автором, сообщившим, что напомнимство к святым местам было предпринято им «во княжение Руское великого князя Святополка Изяславича, внука Ярославя Володимировича Киевского»,¹ т. е. между 1093 и 1113 гг. Рассказом о беседе с иерусалимским королем Балдуином (1100—1108 гг.)² он еще более уточнил время своего путешествия, а упоминание ряда исторических обстоятельств, свидетелем которых оказался автор повести, дало возможность М. А. Вененицинову сузить ее дату до 1106—1108 гг.,³ а Ю. П. Глушаковой — до 1104—1107 гг.⁴ В целях дальнейшего изложения нет необходимости более детального уточнения. Важно лишь то, что из Руси Даниил отправился в свое путешествие не раньше 1103—1104 гг.

Многие исследователи по достоинству оценили патристическую идею повести игумена Даниила — это желание представительства в святых местах от всей Русской земли. Русь постоянно присутствует в его мыслях, даже Иордан напоминает ему Сион.⁵ На вопрос короля Балдуина: «Чего хочешь, игумене Руский?» — Даниил отвечает: «...хотел бы и из поставити капище свое над Гробом Господним за вся князя наша и за вся Рускую землю, за вся христиане Руския земля».⁶ Вся заключительная часть его рассказа посвящена мыслям о том, что он «в всех сих местех святых не забывал имен князей руских, и князтей их, и детей их, ни епископов, ни игуменов, ни детей

¹ Путешествие игумена Даниила по Святой земле в начале XII века // Под ред. А. С. Норова. Изд. Археологической комиссии СПб., 1864. С. 155.

² Там же. С. 139 и след.

³ Жизнь и хождение Даниила Руской земли игумена. 1106—1108 гг. // Под ред. М. А. Вененицинова // Православный Палестинский сборник. Т. 1, вып. 3. СПб., 1883.

⁴ Глушакова Ю. П. О путешествии игумена Даниила в Палестину // Проблемы общественно-политической истории России и ближневосточный египет // Сборник статей к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963. С. 79—87.

⁵ Путешествие игумена Даниила... С. 55.

⁶ Там же. С. 139.

своих духовных, ни всех христиан школы же не забывал, но везде поминал в молитвах».

В заключительной части повести Давид рассказывает, что имена русских князей записаны им в иерусалимской лавре св. Савы, где они «и ныне поминаются в октеньях». Предваряя свое перечисление словами «се же суть имена их», Давид называет поименно нескольких русских князей. Кроме того, сообщает он, им помянуты уже без поименного перечисления и записи все русские князья и бояре и все христиане Русской земли, за которых отслужено 90 литургий — за живущих 50 и за умерших 40.⁷ Уже А. С. Норов замечает, что поименно названные князья происходят из числа 50 живущих, а не 40 умерших.⁸

Существует не менее 60 списков «Хождения игумена Давида», самый ранний из них не старше XV в. Анализируя различия между ними, М. А. Венгитин выделяет три полные и две сокращенные редакции этой повести. Различия свойственны и заключительной ее части, что потребовало специальной работы по восстановлению протографического списка поименованных Давидом князей.⁹

Выяснилось, что этот список включает имена только владельцев князей, расположенные в том иерархическом порядке, какой был установлен и неоднократно подтвержден (с вызванными живыми изменениями) княжескими съездами в Любече (1097 г.), Городце (1097 г.), Угличе (1100 г.) и в Киеве (1102 г.). К этому времени определились два важнейших момента относительно структуры предшествующего времени. Во-первых, утратил самостоятельность Волынская земля. Любечский съезд признал ее отчиной Давида Игоревича, так как она была получена по завещанию Ярослава Мудрого его отцом Игорем Ярославичем.¹⁰ Однако на съезде в Угличе и наказание за ослепление Василья он был лишен отчины, влившись в киевский удел.¹¹ Напротив, Новгород с 1102 г. обрел самостоятельность от Киева, когда новгородцы отказались принять на свой стол сына киевского князя Святополка Изяславича и взяли на княжение сына Владимира Мономаха Мстислава.¹²

Что касается иерархического старшинства князей начала XII в., то оно отражено летописными списками участников походов на половцев 1103 и 1107 гг.¹³ Первым называется киевский князь, затем переяславский, за ним черниговский.

В восстановленном протографическом списке игумена Давида поименованы девять князей: Михаил-Святополк, Василий-Владимир, Давид, Паткратий-Ярослав Святославич, Анджей-Мстислав Всеволодович, Феодор-Мстислав Владимирович, Борис Всеволодович, Глеб

⁷ Там же. С. 155.

⁸ Там же. С. 160 и след.

⁹ Янин В. Л. Междукняжеские отношения в эпоху Мономаха и «Хождение игумена Давида» // ТОДРП. Т. XVI, М., 1960. С. 112—131.

¹⁰ ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Л., 1926. Стб. 257; Т. 2. С 116., 1843. С. 282.

¹¹ ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Стб. 274.

¹² Там же. Стб. 275—276.

¹³ Там же. Стб. 277, 282.

Минский.¹⁴ Ориентиром на дату отъезда Даниила из Руси, рассмотрим местонахождение их столов.

Михаил-Святополк — киевский князь Святополк Изяславич (1093—1113 гг.), в крещении Михаиле «преставился князь Михаил, зовомый Святополком».¹⁵

Василий-Владимир — переяславский князь Владимир Всеволодович Мономах (1094—1113 гг.), посивший христианское имя Василий: «Аз худын дедом своим Ярославом благословленным славным наречением и крещении Василий, русьскыи именемъ Владимиръ».¹⁶

Давид — черниговский князь Давид Святославич (1097—1123 гг.).

Михаил-Олег — новгород-северский и курский князь Олег Святославич (1097—1115 гг.). Его крестильное имя Михаил названо в Любечском синодике.¹⁷

Как видим, принцип иерархического старшинства выдержан уже в начале списка. Пропустив пока два следующих княжеских имени, которые являются главным предметом настоящей заметки, рассмотрим заключительные список имена.

Феодор-Метислав Владимирович — новгородский князь (1095—1117 гг.). Феодором он дважды назван в Метиславоном Евангелии: «Христоробиному и Богом честному князю Феодору, а мирьскы Метиславу, внуку суню Всеволожу, а сыну Володимерю, князю новгородскому» и «О Господи, спаси князя нашего Феодора многа лет, а мирьскы Метислава».¹⁸

Борис Всеславич — полоцкий князь Роман Всеславич, умерший в 1114 или 1116 г.¹⁹ Имена Борис и Роман к рассматриваемому времени были идентичными, поскольку св. Борис Владимирович в крещении назывался Романом.

Глеб Минский — князь Глеб Всеславич, умерший в 1119 г.,²⁰ брат предыдущего. Оба брата делили между собой Полоцкую землю после смерти своего отца в 1101 г.

Конец списка отражает заключительные звенья иерархического старшинства русских владетельных князей около 1102—1104 гг., логически укладывающиеся в систему, коль скоро Новгород в ней был новообразованием 1102 г., а Полоцк принадлежал побочной относительно потомства Ярослава Владимировича линии Рюрикoviчей.

Все рассмотренные выше факты не являются исключительным достоянием расказа и имени Давида. Фигурируя в нем, они давно уже нашли подтверждение в свидетельствах других письменных источников, — прежде всего летописных, но также и нитрированных выше Метиславоном Евангелия и Любечского синодика. Однако упоминания князей Панкратия-Ярослава Святославича и Андрея-Метислава Всеволодовича (пятого и шестого в списке Давида) содержат указательные детали, достоверность которых представлялась, по

¹⁴ Янин В. Л. Междукняжеские отношения... С. 124—130.

¹⁵ ПСРЯ, 2-е изд. Т. 1, вып. 2, Л. 1927, Стб. 290.

¹⁶ Там же. Вып. 1, Стб. 240.

¹⁷ Зотов Р. В. О черниговских князьях и о Черниговском княжестве и татарском врем. СПб., 1892, С. 34.

¹⁸ Андрей Метислава Воинович. М., 1983, Л. 212 об.—213.

¹⁹ ПСРЯ, Т. 2, С. 291; Т. 7, С116., 1856, С. 23.

²⁰ ПСРЯ, 2-е изд. Т. 1, вып. 2, Стб. 292.

Рис. 1

под 1169—1185 гг. Это шук современника игумена Даниила дорогобужского князя Давыда Игоревича (ослепителя князя Василька), князь Городенский, который никак не может быть отождествлен с Андреем Мстиславом Всеволодовичем. Что касается Панкратия-Ярослава Святославича, то, хотя речь у игумена Даниила, несомненно, идет о муромском Ярославе Святославиче, основателе династии муромских и рязанских князей, ни где в других текстах он не назван Панкратием (или каким-либо иным крестильным именем).

Между тем обе эти уникальные детали находят подтверждение в памятниках древнерусской сфрагистики.

Еще в 1947 г. Д. И. Блифельдом при раскопках в Белгороде (летописном Белгороде) близ Киева была найдена свинцовая печать диаметром 23—25 мм, несущая на одной стороне окруженную ободком пятизвончатую греческую надпись: «ΑΝΔΡΕΙ ΜΕΤΙΣΛΑΒΟΣ ΜΕΓΑΣ ΑΡΧΩΝ ΡΩΣΙΑΣ», а на другой — потрудное изображение св. Андрея Первозванного и святительских ризах, с крестом у правого плеча; по сторонам этого изображения частично уцелевшие копонтчатые надписи: «Ο ΑΓΙΟΣ ΑΝΔΡΕΙΣ» (рис. 1).²¹ Поскольку надпись при изображении сохранилась плохо, а с крестом у плеча изображались святые Андрей, Константин и Иоанн Предтеча, Блифельд усмотрел в изображении св. Константина и отнес буллу умершему в 1034 г. брату Ярослава Мудрого Мстиславу Владимировичу.²² Однако на голове изображенного нет короны, и, следовательно, это не св. Константин. Кроме того, по типическим и стилистическим признакам печать датируется не первой половиной XI в., а второй его половиной или — самое позднее — первой четвертью XII в. Б. А. Рыбаков трактовал изображенного на этой печати как св. Иоанна Предтечу и отнес буллу князю Мстиславу Изяславичу (1151—1172 гг.).²³ Но типические признаки иконографического канона Иоанна Крестителя совершенно иные, а стилистические особенности печати не находят никаких аналогий в сфрагистике второй половины XII в.

Между тем датировка буллы по стилистическим и типическим признакам и несомненная ее принадлежность князю, носившему имена Мстислав и Андрей, полностью соответствует сведениям игумена Давыда о некоем князе Андрее-Мстиславе, жившем и владевшем отчиной в первом десятилетии XII в. В указанное время летописи называют только двух князей, носивших имя

²¹ Янин В. Л. Актовые печати древней Руси. Т. 1. М., 1970. С. 172, № 31.

²² Блифельд Д. Г. Висла печатки з Белгороду // Археологія (Київ), Т. 3. 1950. С. 102—110.

²³ Рыбаков Б. О. Печати черниговских князей // Там же. С. 111—118.

Мстислав. Так звали новгородского князя, сына Владимира Мономаха, но он, как уже отмечено выше, был не Андреем, а Федором. Так же звали прапучка Ярослава Мудрого, внука Игоря Ярославича, сына неизвестного по имени князя. Летопись именует его «Мстиславом Игоревым внуком» и сообщает о нем самые скудные сведения. В 1097 г. он находился у своего дяди Давида Игоревича и вместе с ним потерпел поражение от воюев Святополка Изяславича, а в 1100 г. ушел от своего дяди «на море».²⁴ В 1103 и 1107 гг. он участвовал в походах русских князей на половцев,²⁵ а в 1114 или 1116 г. умер.²⁶ Коль скоро это единственный князь, претендующий на тождество с Андреем-Мстиславом Всеволодовичем «Хождения игумена Даниила», мы получаем возможность узнать имя его отца, неизвестное летописцу: сына Игоря Ярославича звали Всеволодом.

Определяется и место княжения «Игорева внука». По таблица-но Ярослава Игорь Ярославич получил Волынскую землю, однако, когда в 1057 г. умер старший брат Игоря Вячеслав, княживший в Смоленске, этот более значительный удел получил Игорь Ярославич, а его прежний удел был объединен с Киевской землей. Смерть Игоря в 1060 г. привела к разделению Смоленской земли между тремя вправствовавшими тогда Ярославичами,²⁷ а Смоленск, подобно Новгороду, остался в прямом подчинении Киеву. Киевские князья посылают туда наместников: в 1077—1078 гг. там княжит посланный Изяславом Ярославичем Владимир Мономах,²⁸ с вокняжением в Киеве Святополка Изяславича на смоленский стол отправлен Давид Святославич,²⁹ в 1101 г. в Смоленске снова действует Владимир Мономах, назначивший тогда в нем Успенский собор.³⁰ Известно также, что к 1114 г. Смоленск окончательно закрепился за потомками Владимира Мономаха: сын Владимира Святослав был им переведен в Переяславль из Смоленска.³¹ Судьба смоленского стола между 1101 г. и началом 10-х годов XII в. остается совершенно неясной. Однако именно в это время Мстислав «Игорев внуку» водит против половцев свое войско, а решения княжеских съездов укрепляют за владельческими князьями принцип неотъемлемого права на отчину. Отчиной же — вернее, «дединой» — Мстислава «Игорева внука» был Смоленск. Двойное указание — игумена Даниила и найденной в Белгородке печати — говорит о том, что этот принцип был реализован и в пользу Андрея-Мстислава Всеволодовича. Запутаннейшим образом, почему смоленский стол был потерян им при жизни, если правильно указать Ипатьевской летописи на 1116 г. как дату его кончины (а не Воскресенской летописи, называющей, по-видимому, правильно 1114 г.), но в первом десятилетии XII в. он, как видим, владел Смоленском, получил его, скорее всего, от Киев-

²⁴ РСРЛ, 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Стб. 272—273.

²⁵ Там же. Стб. 277, 282.

²⁶ РСРЛ, 2-е изд. Т. 2, СПб., 1908, Стб. 284; Т. 7, С. 23.

²⁷ РСРЛ, Т. 15, СПб., 1863, Стб. 153.

²⁸ РСРЛ, 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Стб. 200.

²⁹ Там же. Стб. 229.

³⁰ РСРЛ, 2-е изд. Т. 2, Стб. 250.

³¹ Там же. Стб. 277.

Рис. 2

ском княжеском съезде 1102 г., когда в центре внимания находились проблемы владения отчинами. Именованное Мстиславом-Андреем МЕГАС АРХУН (т. е. «великий князь») не порождает противоречия. Так именуется «Повесть временных лет» всех русских князей вообще, гово-

ря о «великих князьях, под Олегом сущих» в Киеве, Чернигове, Переяславле, Полоцке, Ростове и Любече.¹²

Летом 1994 г. в Новгороде на Городище была найдена свинцовая печать диаметром 24–28 мм, несущая на одной стороне окруженную ободком четырехстрочную надпись «КЕ[во]. ПАНКРАТЮ С[вя]ТОСЛАВИЧУ», а на обороте также окруженное ободком поясное изображение св. Панкратия Тавроменийского с колокообразными надписями по сторонам: «ПАНКРАТ[і]» (рис. 2).¹³

Беспрецедентно здесь не только смешение греческого начала благопожелательной формулы с ее русским концом, но и соединение в одном тексте крестильного имени с мирским отчеством. Русские летописи не знают князя Панкратия Святославича, зато он известен имену Даниилу, званному, что князя Ярослава Святославича и крещения звали Панкратием. Типические и стилистические признаки найденной в Новгороде печати полностью соответствуют характеристикам особенностей древнерусских булз конца XI — начала XII в. К ним относятся поясное изображение святого, многострочная греческая (или русская) надпись с формулой благопожелания, размер печати.

Внук Ярослава Мудрого, сын Святослава Ярославича Ярослав впервые упоминается в летописи под 1096 г., когда он во время похода его брата Олега в Ростовскую землю был послан Олегом во главе сторожевого полка на Медведицу; услышав о приближении войска Мстислава Владимировича, он прибежал с той встатью к Олегу. Вместе с Олегом он потерпел поражение от Мстислава на Колокше, после чего Олег оставил («сатворил») его в Муроме для обороны этого города.¹⁴ В 1097 г. он был участником Любечского съезда, где за ним и его братьями было утверждено наследие их отца; по свидетельству Густынской летописи, Ярослав при этом получил Муром.¹⁵ В 1101 г. Ярослав Святославич вместе со Святополком Изяславичем и другими князьями вел мирные переговоры с половцами.¹⁶ В 1103 г. он потерпел поражение от мордвы.¹⁷ В 1123 г. он после смерти своего брата Давыда занял черниговский стол, а в

¹² ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Стб. 31.

¹³ Новгородский Государственный объединенный музей-заповедник, КН, № 38839-1.

¹⁴ ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Стб. 238–240.

¹⁵ Там же. Стб. 256–257; Т. 2, С. 282.

¹⁶ ПСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 1, Стб. 275.

¹⁷ Там же. Стб. 280.

следующем году умерла его жена.³⁸ В 1127 г. Ярослава сверг с черниговского стола племянник Всеволод Ольгович, отпустивший его затем в Муром,³⁹ где он вскоре, в 1129 или 1130 г., и умер.⁴⁰

Размышления над обстоятельствами получения в Новгороде на княжеском Городище некоего муромского акта, скрепленного печатью князя Ярослава Святославича, заставляют вспомнить о событиях 1095 г., когда под Муромом в битве с Олегом и Ярославом Святославичами погиб брат новгородского князя Мстислава Изяслав Владимирович. Убитый 6 сентября 1095 г., он сначала был погребен в муромском Спасском монастыре, а затем перевезен в Новгород, где его похоронили в Софийском соборе. Когда совершился перенос тела Изяслава, летопись не указывает, ограничившись лишь сообщением: «Изяслава же вемше положиша и в манастири святого Спаса, и оттуда перенесоша и Новгороду и положиша и у святыне Софие на члене стороне».⁴¹ Поэтому возможно было бы реконструировать любую дату повторного погребения Изяслава. Священств. е. с. казанск. быд, подходящими обстоятельствами марта 1096 г. затруднительно. Рассмотрим эти обстоятельства.

В пятницу на Федоровой неделе, приходящейся в 1096 г. на 29 февраля («се же бысть исходящо лету 6604 индикта 4 на пош»), Мстислав и Вячеслав Владимировичи победили Олега и Ярослава на Колокше, после чего Олег «прибеже к Мурому и затвори Ярослава Муроме, а сам иде Рязаню. Мстислав же приде Мурому и створи мир [с Муромци] и воя своя люди Ростовци и Суждаши и поиде к Рязани по Волге (по Олге. — *В. Я.*). Олег же выбеже из Рязани, а Мстислав пришел створи мир с Рязанци и воя люди своя, яже бе заточил Олег. И посла к Ольгичи глаголю: не бегаи никакоже, но поиди к брати своей с молбою не лишати тя Русьские земли, и аз поидю к отцу молитися о тебе. Олег же обещае тако створи. Мстислав же възвратися вояти Сужданю, отуду приде Новгороду в свои град молитвами престолюбного епископа Никиты».⁴² Вряд ли тело Изяслава было взято с собой Мстиславом сразу по овладении Муромом: слишком сложен и непредсказуем был дальнейший военный маршрут Мстислава — от Мурома к Рязани, от Рязани к Ростову, от Ростова к Новгороду, чтобы возить покойного брата и полем обое. И слишком драматичным стало бы такое действие, чтобы остаться вне внимания летописца. Ярослав Святославич получил Муром в наследственное владение по постановлению княжеского съезда в Любече в 1097 г., и логично было бы ду-

³⁸ Там же. Стб. 286, 288.

³⁹ Там же. Вып. 2. Стб. 296.

⁴⁰ Там же. Стб. 301.

⁴¹ Там же. Вып. 1. Стб. 237. Остатки погребения Изяслава Владимировича были обнаружены в северной галерее новгородского Софийского собора при реставрационных работах 1961—1962 гг. См.: Штендер Г. М. К вопросу о галереях Софии Новгородской (по материалам археологического исследования северо-западной части здания) // Реставрация и исследования памятников культуры. Вып. 2. М., 1982. С. 19, 21; Янин В. Л. Некрополь новгородского Софийского собора // Церковная традиция и историческая критика. М., 1988. С. 155—157.

⁴² Там же. Стб. 240. В Тверской летописи ошибочно сказано, что битва на Колокше произошла в четверг второй недели поста, хотя тут же сообщается об исходящем 6604 лете (ПСРЛ. Т. 15. Стб. 230). Четверг второй недели поста приходится в 1096 г. на 6 марта, соответствующее уже началу следующего 6605 г.

мать, что решение о перезахоронении Изяслава Владимировича состоялось в мирной обстановке, наступившей после Любечского съезда. Отдавая себе отчет в некоторой безыстремительности ильдвижимо-го предложения, хочется, однако, думать, что получение официального муромского акта в Новгороде связано с указанной погребальной церемонией. Следует отметить в этой связи мудрость Мстислава, проявленную им при получении вести о гибели брата. Узнав о ней, он отправил к Олегу посла с требованием: «ази не Суждая Мурому, а в чюжея волости не седи, и ят пошлю молится з дружиною своею к отцю своему, и смирю тя со отцомь моим. Аще и брата моего убиш [еси], то ест. недвинуо: в ратех бо и цари и мужи погыбають».⁴³

Обе сфрагистические находки демонстрируют высокую степень достоверности сведений игумена Даниила, сообщивших им в его «Хождении».

⁴³ ИСРЛ. 2-е изд. Т. 1, вып. 1. Стб. 237—238.